

О РЕЗОНАХ И СМЫСЛАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Евтушенко С.В., доктор философских наук,
кандидат искусствоведения, профессор

Аннотация. Статья обращена к проблематике корректной интерпретации варьирующих «смыслов» художественного произведения. Рассматриваются также частные аспекты реконструкции исторических реалий, направляющих атрибуционное изучение раритетов искусства примитивов.

Ключевые слова: примитив, атрибуция, иконография, интерпретация.

Анотація. Євтушенко С. В. **Щодо резонів і смислів інтерпретації.** Стаття звернена до проблематики коректної інтерпретації “сміслів” художнього твору, що завжди варіюють. Розглядаються також окремі аспекти реконструкції історичних реалій, які направляють атрибуційне вивчення раритетів мистецтва примітивів.

Ключові слова: примітив, атрибуція, іконографія, інтерпретація.

Annotation. **Yevtushenko S.V. About reasons and senses of interpretation.**

This article is inverted to a problematics of correct interpretation of varying «meanings» of art’s work. The individual aspects of historical realities’ reconstruction, which direct study and attribution of rare samples of primitives’ art, are examined also.

Keywords: primitive, attribution, iconography, interpretation.

Постановка проблемы. В основе этой статьи, как и в основе многих предшествующих наших публикаций, – проблема интерпретации художественного примитива прошлого: ее состоятельности, принципов,

способов и логических границ. Острота проблемы рождена противостоянием в науке двух антагонистических позиций: первая де-факто отрицает лимитированность творческой фантазии обстоятельствами «действительности», вторая – перманентно постулирует. Исходя из первой, основания для поиска адекватных связей с подлинной реальностью и личностными устремлениями «героев истории» в раритетах художественного примитива, подобных *султимовскому* «Покрову» или менее известному *портянковскому*, по сути отсутствуют, но сторонники второй позиции (включая и автора этих строк) не готовы представить решительную контраргументацию, ибо суждения их носят большей частью гипотетический характер...

Анализ последних исследований и публикаций. Упомянутые позиции прослеживаются на всем протяжении искусствоведческого осмысления той органичной части отечественного художественного наследия, которая причудливо соединила в себе иконографические клише, восходящие к классическим эпохам истории иконописания, и элементы позднее формировавшегося секулярного мышления нововременной живописи. Яркой демонстрацией второй позиции назовем не теряющие актуальности книги и статьи П. Белецкого, недавним показательным выражением условно противоположных воззрений нам представляется, в частности, одна из публикаций К. Скалацкого [1, с. 92–94; 7, с. 109].

Цели публикации. В неприкладном аспекте данная статья – обращение к теме «календарного викариата»¹ (или приема символизации персонажей реальной истории образами их тезоименитых святых) – как де-факто неперменного элемента упомянутых порождений «переходной» художественной культуры. Прикладной аспект сведен к анализу персонализированной версии «календарной символики», связанной с образом жены предпоследнего украинского гетмана Д. П. Апостола, нашедшим свое отображение в отечественном искусстве.

Результаты исследования. Авторитетный знаток генеалогии украинской старшины В. Л. Модзалевский, не комментируя, указывает, что гетманша (дочь Василия Искрицкого) звалась *Еленой (Ульяной)*² [3, т. 1, с. 7; т. 2, с. 240]. В святцах, откуда заимствуются при крещении имена православных (здесь опираемся непосредственно на святцы образца первой половины XIX века), фигурируют семь святых Ульян, точнее *Иулианий*, а также две *Юлии*, вернее *Иулии*, и две Улиты (*Иулитты*; это имя считается уменьшительным «от Иулии») [4, с. 487]. Соответственно имеем более десятка святых, которые могли бы – с разной степенью вероятности – претендовать на «звание» тезоименитых

¹ От лат. *vicarius* заместитель. – С.Е.

² В 1-м томе своего «Малороссийского родословника» В. Л. Модзалевский называет ее «Ульяной (Еленой) Васильевной», во 2-м – «Еленой (Ульяной) Васильевной» [3, т. 1, с. 7; т. 2, с. 240].

супруге гетмана. Святых Елен – всего только три [4, с. 482]. При этом если святые Елены упоминаются под 21 и 26 мая и еще под 11 июля, святые Юлии – под 18 мая и 16 июля, а святые Улиты – под 15 и 31 июля, ни одна из святых Ульян с маем или июлем не связана (святые с этим именем поминаются 4 и 20 марта, 22 июня, 1 ноября, 4 и 21 декабря, а также 17 августа) [4, с. 487]. И все же объяснение двойному имени Ульяны-Елены следует искать, полагаем, именно в календаре.

Дело в том, что память матери св. Константина святой Елены отмечается «у католиков – 18 августа, [тогда как] у православных – 21 мая» [10, с. 598]. Иными словами, наиболее известная из святых Елен поминалась католиками почти одновременно с поминовением у православных одной из святых *Иулианий*. Представляется, в этом и кроется разгадка двойного имени гетманши. Даниил Апостол женился на Ульяне (Елене) Васильевне Искрицкой в 1677-м; к этому моменту она была определенно, по выражению украинского историка Б. Крупницкого, «польскою панною»³ [3, т. 2, с. 240, 239; 2, с. 18]. И Речь Посполита известна как страна преимущественного католицизма, пользовавшаяся григорианским, а не юлианским календарем (нормативным тогда как для российской «гражданской» жизни, так и для православной церкви в целом).

Иными словами, родись будущая невеста Д. Апостола 17 августа по григорианскому календарю (а это произошло, видимо, не позднее 1660 г., т.е. была она примерной ровесницей знаменитого Павла Полуботка и вряд ли многим уступала супругу своему в годах), – по кондициям православных святцев ее тезоименитой святой вполне могла бы стать именно поминаемая 17 августа святая Ульяна (кстати, будущая гетманша приходилась внучкой Еве Акимовне Моржковской, «родной сестре гетмана *Павла Акимовича Тетери-Моржковского*», состоявшего членом наиправославного Львовского Ставропигиального братства [3, т. 2, с. 239; 8, с. 706]). Но в таком случае обязательно «наложение» двух исторических этнокультурных традиций: дате рождения младенца следовало отвечать официально принятым «католическим» календарным реалиям Речи Посполитой, а небесной

³ Отец будущей гетманши, состоявший в свое время «резидентом польским при гетмане Мазеле; ротмистром при Яне Собеском», умер в 1696-м (но прах его был предан земле – во Львове – лишь в 1698 году) [3, т. 2, с. 240, 239]. Развивая тему соотносительности с польскими реалиями, вновь процитируем В. Л. Модзалевского: «В одном документе нам встретилось указание, что родичем его (Д. П. Апостола. – С. Е.) был пан Матфей *Годлевский*, женатый на Пелагее Григорьевне *Зарудной* и умерший до 1708 года. Так как родичем в Малороссии этого времени называли и отца, и отчима, и тестя, то определить родственную связь между *Годлевским* и Апостолом невозможно» [3, т. 1, с. 7]. Добавим, что мать гетманши принадлежала к роду *Вольских*, однако, как явствует из «Короны» К. Несецкого, в Речи Посполитой обреталось несколько шляхетных родов, так именовавшихся, и посему достоверно идентифицировать *Вольских*, породнившихся с *Тетерями*, тоже не представляется возможным.

патронессе новорожденной – происходит из синклита *православных* святых. При описанном стечении обстоятельств – в рамках завершавшегося XVII столетия – будущая гетманша вряд ли имела прямое отношение к «праздновавшейся» у католиков 18 августа святой царице Елене. Однако с наступлением XVIII века обстоятельства менялись: если в пределах предыдущего столетия день поминования православными святой Ульяны (юлианское 17 августа) совпадал с «польским» 27 августа, то в границах нового он отвечал уже 28 августа. Тот же вывод обоснуем иным примером: современнице XVII века, родившейся по католическому григорианскому календарю 17 августа, в «переводе» на православные календарные кондиции следовало бы отмечать свой день рождения 7 августа, однако, празднуя собственное рождение в реалиях православного календаря наступившего XVIII столетия 7 августа, она де-факто отмечала его в день, соответствовавший по «католическому» календарю 18 августа, ознаменованному поминованием святой царицы Елены...

Экскурс к биографии гетманши помимо желания раскрыть загадку ее двойного имени мотивирован нашим предположением о связи с семейством Апостолов сразу двух раритетных «Покровов», соотносимых с XVII и XVIII столетиями и являющихся (как нам представляется) интереснейшими образчиками особой разновидности украинского художественного примитива. Поскольку мы разделяем позицию, согласно которой все подобные уникамы несут на себе отпечаток конкретных событий, связанных с реальными человеческими судьбами (прежде всего тех, кем инициированы подразумеваемые раритеты), установление факта известной сопряженности личности гетманской супруги и образа святой царицы Елены – причем сопряженности, вполне «оформившейся» не ранее... 12 марта 1700 года (до этого момента и начиная с 15 октября 1582 года юлианский календарь «отставал» от григорианского на 10 дней, с 12 марта 1700-го это отставание увеличилось еще на сутки), как представляется, расширяет возможности направленной интерпретации нетрадиционного видеоряда упомянутых «Покровов». Царицы, «дежурным» образом фигурирующие и в композиции из Покровской церкви с. Портянки, и в иконописной сцене из бывшего миргородского соборного храма [7, с. 110], – если только справедливо наше предположение о связи этих икон с Апостолами, – думается, вполне могли бы символизировать гетманшу Ульяну-Елену и ее календарную причастность как августу, так и маю (напомним, что православные чтут память равноапостольной матери св. Константина 21 мая).

При этом актуальность календарного «адреса» – не вольное допущение и не гипербола. Тем более для рассматриваемой эпохи. Так, немка по рождению, принявшая православие только в преддверии бракосочетания с наследником российского престола, Екатерина II в день свадьбы ее сына и преемника (впоследствии императора Павла I) с перешедшей в православие

и названной Натальей Алексеевной немецкой же принцессой, подарила ей по случаю бракосочетания икону с изображением святых Елисея, Натальи и Адриана. Такому сочетанию находится простое объяснение: при переходе в православие новое имя принцесса получила в честь святой Натальи (неразлучно «празднуемой» вместе со святым Адрианом), которая таким образом символизировала дату ее тезоименитства; святой Елисей «курировал» действительный день рождения новоявленной Натальи Алексеевны [4, с. 310, 218]. В совокупности же подарок императрицы хранил информацию о двух важных датах из биографии ее невестки.

Последняя недолго оставалась русской великой княгиней. И вскоре после ее кончины были изготовлены «образа» к иному бракосочетанию, «шифровавшие» биографические «координаты» будущего императора Павла I и его второй супруги, ибо композиции предназначались «для поднесения их императорским высочествам (великому князю, его невесте. – С. Е.) по совершении бракосочетания» и являли собой «святых апостолов Петра и Павла» (из коих последний был тезоименитым патроном престолонаследника) и «святую мироносицу и равноапостольную Марию Магдалину» – небесную предстательницу избранницы великого князя Марии Феодоровны⁴ [6, с. 165–167, 211]. Для поднесения самой Екатерине писались, естественно, иконы со святой «великомученицей Екатериной» [6, с. 211]. По сути, эти иконописные «аллюзии» диктовались, тем же посылом, каким руководствовался, например, живописец-декоратор (Виги?), создавший эскиз плафонной росписи для «Китайской розовой комнаты» царскосельского дворца, характерно названный «Екатерина II среди государей Европы и мифологических божеств», или малопримечательный «гравер Анселен» – в посвященной им великому князю «Павлу картине, изображающей Петра Великого, принимающего Петра III⁵ в Елисейских полях», т.е. в загробном мире (кстати, вся просвещенная Россия в середине XVIII ст. буквально зачитывалась разнообразными рукописными версиями «Разговоров... в царствии мертвых», что имело отзвук и в тогдашней гравюре) [5, т. 2, Приложения, стб. 273, 403]⁶.

⁴ Более десяти лет спустя (в 1788-м) прекрасному мастеру русской портретной живописи «осмнадцатого» столетия Алексею Степановичу Антропову вновь заказали иконы апостола Павла и Марии Магдалины с почти курьезной, но и дальновидной формулировкой «для могущей впредь случиться надобности» [6, с. 165–167].

⁵ Умерщвленного дворцовыми заговорщиками в июле 1762 года отца великого князя Павла Петровича. – С. Е.

⁶ Н. Д. Ханенко в своей дневниковой записи от 10 февраля 1733 года упоминает принадлежавшую ему «книжку рукописную... разговоров генерала Паткуля з министром Герцом в царствии мертвых», а в записи от 12 сентября того же года – позаимствованную у иного лица «часть „Розговоров в государстве мертвых“» [9, с. 98, 124].

Выводы. Широко апробированный в практике средневекового искусства прием «календарного викариата» преемственно используется и художественной практикой сложного периода, что ознаменован переходом к светской культуре.

Перспективы дальнейшего исследования предполагаются в последовательно-комплексном анализе всех компонентов образно-изобразительного решения уникальных порождений отечественного художественного примитива.

Литература:

1. Белецкий П. Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. – Л., 1981.
2. Крупницький Б. Гетьман Данило Апостол і його доба. – К., 2004.
3. Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Т. 1–2. – К., 1908–1910.
4. Памятник веры, представляющей благочестивому взору христианина празднества, православною церковию установленныя святым угодникам...– М., 1838.
5. Подробный словарь русских гравированных портретов / Сост. Д. А. Ровинский. Т. 1–2. – СПб., 1889.
6. Сахарова И. М. Алексей Петрович Антропов. 1716–1795. – М., 1974.
7. Скалацький К. Пошуки. Знахідки. Відкриття. – К., 2004.
8. Указатель к изданиям временной комиссии для разбора древних актов. Т. 1. Имена личные / Сост. И. П. Новицкий. – К., 1878.
9. Ханенко Н. Д. Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка. – К., 1884.
10. Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. XI^А. – СПб., 1894.

Надійшла до редакції 23.07.2007